

ПОЛЕСЬЕ В ДНЕВНИКАХ, ПИСЬМАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ НЕМЕЦКИХ УЧАСТНИКОВ ПОХОДА НАПОЛЕОНА В РОССИЮ

Владимир Заворошкин

Минск, Беларусь

Статья является обзором немецкоязычной мемуарной литературы, относящейся к пребыванию австрийских и саксонских войск в Полесье во время Отечественной войны 1812 года

Ключевые слова: *Полесье, Отечественная война 1812 года, Австрийский вспомогательный корпус генерала К. Ф. Шварценберга, Седьмой армейский корпус Великой армии (саксонский корпус) генерала Ж. Рейнье, реквизиции*

В течение всей военной кампании 1812 года противниками русской армии в Полесье были в основном австрийские и саксонские войска, воевавшие на стороне Наполеона (и саксонцы, и австрийцы в то время воспринимали себя немцами). Выжившие участники этой кампании оставили немало письменных свидетельств о ней в виде писем, дневников и воспоминаний. Анализируя мемуарную литературу о боевых действиях на юго-западном театре военных действий 1812 года, российский историк Андрей Иванович Попов отмечает, что в целом по объёму источников немецкие превосходят российские как минимум в два раза. [23, 391]. Исследователи, обращавшиеся к данной литературе, неизменно отмечали свойственную этим описаниям немецкую педантичность и любовь к деталям. Эти памятники представляют особый интерес для историков Полесья, поскольку содержат значительный массив первичной информации, в т.ч. краеведческого характера.

В ходе данного исследования были проанализированы письма, дневники и воспоминания десяти участников кампании наполеоновских войск в Полесье. Круг авторов весьма представительен – от унтер-офицера до фельдмаршала. Их труды весьма отличаются друг от друга по объёму, стилю и степени детализации – от педантичных и скрупулёзных разборов всех передвижений войск в духе академического учебника (саксонский капитан Беккер, майор в штабе австрийского корпуса Вельден, помочник начальника штаба саксонской 1(21) пехотной дивизии майор Церрини) до живого изложения эпизодов кампании на грани художественной прозы (штабной писарь саксонского гусарского полка Винклер, саксонский фурьер¹³ Гёте¹⁴, командир саксонской 2(22) дивизии пехоты генерал Функ, ординарец командующего австрийским корпусом Эниден). Авторы работ иногда полемизируют друг с другом, подкрепляя своё мнение документами из военных архивов, предлагая собственную трактовку тех или иных событий.

В данном обзоре основной упор сделан на письма, дневники и мемуары самих участников боевых действий. Ещё более обширная немецкоязычная литература, касающаяся этих боевых действий, – различные описания этого похода, биографии военных деятелей, истории полков – затрагивается лишь при необходимости внесения дополнительных сведений либо комментирования тех или иных аспектов. Учтены также наиболее важные труды современников, приводивших сведения, полученные ими от участников похода (австрийский генерал Геблер, прусский офицер по связям с саксонскими войсками Рёдер фон Бомсдорфф, директор королевского саксонского военного архива Экснер и др.).

Краткий обзор военных действий в Полесье и на Волыни

¹³ Фурьер – унтер-офицер, исполняющий квартирмейстерские функции

¹⁴ Теодор Гёте является дальним родственником знаменитого писателя Иоганна Вольфганга Гёте.

Активные боевые действия в Западном Полесье и прилегающих к нему территориях Волыни, Подляшья и верховий реки Щара велись практически на всём протяжении войны 1812 года, представляя собой в течение основной части русской кампании отдельный театр военных действий.

Первым в Полесье пришёл Австрийский вспомогательный корпус численностью около 31 тыс. человек, командование которым по просьбе Наполеона было поручено генералу от кавалерии (с 12.10.1812 г. – фельдмаршал) Карлу Филиппу цу Шварценбергу. 2-3 июля корпус переправился через Западный Буг и к 9 июля расположил свои основные силы в Пружанах, отправив оттуда отряды на Ружаны и далее на Слоним для смычки с наступавшими севернее саксонскими войсками, на восток к Пинску (занят 12 июля) и на юг в Ратно к важнейшим переправам через Припять.

Корпус Шварценберга обеспечивал правый фланг Великой армии Наполеона, наступавшей на Москву. Южнее его были труднопроходимые полесские болота, а за ними в районе Луцка – русская 3-я Резервная Обсервационная армия генерала от кавалерии Александра Петровича Торماسова численностью около 51 тыс. человек. Французский император явно недооценивал русские силы к югу от Полесья и считал, что их можно будет легко сдерживать, взяв под контроль немногие дороги, ведущие с юга на север.

Уже 14 июля Шварценберг получил приказ Наполеона, предписывавший австрийскому корпусу двигаться через Несвиж на соединение с Великой армией. Австрийцев в Полесье должен был сменить 7-й саксонский корпус дивизионного генерала Жана-Луи-Эбенезера Рейнье¹⁵ (численность ок. 17 тыс. чел.), достигший к этому времени Несвижа.

Во время этой рокировки армия Торماسова выступает из Луцка на север. Отвлекая внимание противника обманном ударом на Пинск и Иваново, Тормасов бросает основные силы на Кобрин, где 27 июля разбивает 1-ю бригаду из состава 7-го саксонского корпуса и захватывает в плен её командира генерал-майора Генриха фон Кленгеля. Основные силы саксонцев стараются уклониться от боя с превосходящими силами русских и отступают к Слониму, где 3 августа на улицах города обнимаются с поспешившими им на выручку австрийцами. Теперь превосходство вновь на стороне наполеоновских войск. Наполеон отменяет свой прежний приказ австрийцам, объединяет саксонский и австрийский корпуса под общим командованием Шварценберга и ставит перед ним задачу вытеснить русских из Полесья, перенеся боевые действия на территорию Волыни.

12 августа русская армия безуспешно пыталась остановить наступление австрийцев и саксонцев в болотистом дефиле под Городечной (Пружанский район)¹⁶, после чего стала через Ратно отходить на Волынь.

На восточном фланге 20 августа австрийцы вновь заняли Пинск. Выделенных для этого сил (два батальона пехоты, четыре эскадрона гусар и восемь пушек) им хватило также для содержания до конца сентября выдвинутых усиленных постов в районе Любешова на юге, Лахвы, Давид-Городка и Столина на востоке и Логишина к северу по дороге на Слоним и Несвиж.

К этому времени основные силы Наполеона были уже на полпути от Смоленска к Москве, прямая связь с ним практически прекратилась к концу августа, и таким образом Волынь и Полесье окончательно превратились в отдельный изолированный театр боевых действий.

В начале сентября, преследуя Тормасова вглубь Волыни, австрийцы и саксонцы дошли до Ковеля и Луцка, однако здесь на реке Стыр их наступление выдохлось. Далее боевые действия ограничивались лишь боями местного значения до 19 сентября, когда 3-я армия Тормасова соединилась с подошедшей с юга Дунайской армией адмирала

¹⁵ Некоторыми авторами правописание французской фамилии Reunier передаётся как *Ренье*. Здесь за основу взято написание *Рейнье*, как в энциклопедии «Отечественная война 1812 года». М., 2004.

¹⁶ В немецких источниках «сражение при Поддубье», за него Наполеон исходатайствовал у австрийского императора Франца I для Шварценберга маршальский жезл.

Павла Васильевича Чичагова. Получив численное превосходство над противником (60 тыс. против 40 тыс.), русские 19-22 сентября перешли Стыр, вынудив австрийцев и саксонцев вернуться 3 октября к Бресту, а после 11 октября отойти дальше на северо-запад в Подляшье к польскому Дрогичину, откуда фланговыми ударами можно было угрожать вероятному русскому наступлению на Варшаву или Вильно.

Между тем 30 октября от 3-ей Западной армии отделился отряд адмирала Павла Васильевича Чичагова и через Пружаны и Слоним направился в сторону реки Березины перерезать пути отступления армии Наполеона. Узнав об этом, Шварценберг отправил свои войска догонять Чичагова. Под Волковыском саксонцы 16 ноября едва не были разгромлены преследовавшим их от Бреста русским корпусом генерал-лейтенанта Фабиана Вильгельмовича Остен-Сакена, так что австрийцам пришлось возвращаться на выручку своим союзникам от Слонима, окончательно утратив таким образом возможность настигнуть Чичагова, который в этот день взял Минск. После соединения у Волковыска саксонцы и австрийцы вновь вернулись в Полесье. 25 ноября им удалось разбить группу Остен-Сакена и в третий раз занять Брест. Однако продолжать преследование русских на Волынь они стали, поскольку получили от герцога Бассано (Ю.-Б. Маре) из Вильно указания срочно идти на спасение коммуникаций отступавшей армии Наполеона. До 7 декабря саксонцы совершали марш на Ружаны, а австрийцы – на Слоним. Когда стало известно, что Наполеон 5 декабря покинул армию, Шварценберг и Рейнье пришли к выводу о бессмысленности соединения с остатками армии и 13 декабря начали организованный отход своих войск, окончательно отступив на территорию Варшавского княжества 21 декабря. Здесь австрийцы заключили с русскими неформальное перемирие, в то время как саксонцы ещё около четырёх недель продолжали оказывать сопротивление на подступах к Висле.

Боевые действия в Полесье носили напряжённый характер (по подсчётам немецких историков, саксонский корпус Рейнье участвовал в 20 сражениях и крупных боях [6, 90]), однако их влияние на исход всей русской кампании Наполеона было незначительным. Наиболее важным последствием этих боевых действий стало не входившее в расчёты Наполеона отвлечение на Полесье 30-тысячного австрийского корпуса, которого ему впоследствии так не хватало под Бородино (накануне битвы Наполеон имел всего лишь около 130 тыс. человек). Приблизить победу русских войск в войне могла также неспособность Шварценберга предотвратить прорыв Чичагова к Березине, что создавало потенциальные условия для полного разгрома и пленения самого Наполеона на этой реке, однако Чичагов не смог в полной мере использовать этот шанс.

Выражаясь фигурально, Кутузов и Наполеон сражались как тигры, Тормасов и Чичагов дёргали французского тигра за хвост.

Некоторые политические аспекта присутствия немецких войск в Полесье и на Волыни

Австрийцы и саксонцы были подневольными союзниками Наполеона, не видевшими для себя в перспективе никаких выгод от этой войны, а австрийцы к тому же опасались, что на завоёванных территориях Наполеон воссоздаст польское государство, которое им же станет угрожать. Австрия даже объявила свою границу с Россией нейтральной, что позволило России держать там сравнительно слабые силы, а корпус Шварценберга, чтобы не нарушить эту «нейтральную границу», вторгся в пределы Российской Империи не коротким путём через Галицию, а в обход через Княжество Варшавское.

Офицер в штабе австрийского корпуса майор Вельден писал: «Общеизвестно, что офицеры корпуса, как высшего, так и низшего ранга, шли на эту войну с большой неохотой, поскольку с 1792 по 1809 год австрийцы были самыми решительными врагами французов» [18, 7]. «Война была непопулярна, – вторит ему австрийский офицер-артиллерист Эниден, – мы поначалу не могли по-настоящему видеть в русских наших врагов» [4, 11]. Сходные настроения были в саксонском корпусе: «Объявление (войны) не пробудило в наших людях даже малейшего воодушевления, они знали, что это дело

чуждо для их короля, которому пришлось вынужденно посылать свою армию биться на стороне французов» [6, 32].

Вместе с тем, австрийские и саксонские войска воевали решительно и отличались высокой выучкой и воинской дисциплиной. Главнокомандующий 3-ей Обсервационной армией генерал Тормасов высоко оценил мужество и стойкость саксонцев в бою, возвратив офицерам, взятым в плен в Кобрине, холодное оружие. За всё время кампании в саксонском корпусе не было ни одного перебежчика и дезертира. Поразительная дисциплинированность саксонцев нашла выражение ещё в одном интересном факте: когда взятых в плен в Кобрине саксонцев конвоировали через Волинь, никто из них не попытался бежать через находившуюся в пяти часах пути границу, поскольку русскому конвою было дано слово не сбегать [6, 158].

К середине января 1813 с учётом пополнений корпус Рейнье насчитывал 16 тыс. человек, но саксонцев в нём осталось 5 700 [6, 87]. В конце марта 1813 года, когда всех выживших саксонцев собрали вместе в Торгау, их набралось всего 74 офицера и 1762 рядовых из 20 тысяч, вступивших в Россию летом 1812 года [11,165]. Безвозвратные потери австрийского корпуса на конец января 1813 года составили около 6 тыс. погибшими и 4 тыс. ранеными, больными и обмороженными, и примерно столько же числилось в госпиталях, где смертность достигала по несколько сот человек в день [6, 87].

Полесье в описаниях австрийских и саксонских участников кампании

В немецких источниках не просматривается единого названия для Полесья как географического региона. Чаще всего фигурирует общий термин «русские польские провинции». Встречаются такие понятия как «русская Польша», «русская часть Польши по ту сторону Буга» [19], «болота, разделяющие старую Литву и Волинь» [7, 56], «Пинские болота» [1, 3], «Рокитнянские болота» [19, 64]. Лишь австрийский офицер Эниден называет край Полесьем: «Карты были в высшей степени неполными... В отношении Полесья, как следует из различных материалов, Наполеон имел самое смутное представление» [4, 38].

Немецкие военные посвящают целые страницы описанию особенностей рельефа местности, имевших большое значение для перемещений войск и ведения боевых действий.

«Старая Литва отделена от Волини болотами, которые простираются в ширину то на 6, то на 20 миль¹⁷ с запада на восток и по линии Брест – Пинск – Мозырь заполняют большую часть пространства. Они незаметно опускаются всё ниже с литовской равнины к югу и западу и окружают сухие места разной величины, которые, частично хорошо возделаны, представляют собой острова или оазисы. Лишь в этих местностях многочисленные воды текут по своим постоянным руслам, но вскоре снова покидают свои берега, распространяются вокруг и превращают землю в непроходимое болото. Сами же болота покрыты деревьями и кустарниками, где каждое большое дерево являет собой маленький островок. У ствола стоишь твёрдо, а отойдя на два шага, погружаешься в пучину», – писал в своих воспоминаниях генерал Функ [7, 56-57].

Полесье оказывало на австрийцев и саксонцев весьма гнетущее впечатление. В описаниях отсутствуют позитивные тона, для характеристики природы используются такие эпитеты как «мрачная», «безрадостная», «бедная». Геблер называет долину Припяти «болотным океаном», давая ей такое описание: «Ужасная болотистая пустыня, так называемые Рокитнянские болота – безотрадная равнина, лишь изредка оживляемая резким криком вспугнутых болотных птиц или мрачными монотонными звуками отвратительной болотной живности. И это в самый жаркий месяц лета, в отравленной атмосфере, в окружении мутных гнилых вод, без возможности получить глоток чистой воды, в пустынной мёртвой земле» [8, 61-62].

«Вряд ли есть во всей нашей Европе столь унылая необустроенная местность как эта на берегах Припяти. Необозримые болота, поросшие большей частью редколесьем,

¹⁷ Имеется в виду старая немецкая миля, составлявшая 7532,5 метров.

сопровождает эту медлительную реку. Здесь и там земля возвышается, словно остров, где селятся люди, добывающие себе скудное пропитание обработкой песчаных полей, охотой и рыболовством», – отмечает Вельден [18, 12].

Боевые действия разворачивались в основном за дороги через болотные дефиле, случалось, что бой приходилось вести, часами передвигаясь в болотной жиже выше колен. По словам Энидена, «нередко случалось, что гибли целые подразделения, отважившиеся слишком далеко забраться в болота» [4, 17].

Враждебной была не только местность, но и климат. Середина лета выдалась очень жаркой. На переходе к Полесью и в самом Полесье в саксонской армии от тепловых ударов на марше погибло около ста пехотинцев [6, 32]. Но уже в начале августа жара сменилась ливнями. «Погода стояла холодная, – писал Рёдер фон Бомсдорфф, – дождь лил как из ведра, и у людей мундиры прели на теле. У нас было много больных, и мы страдали от нехватки продовольствия» [14, 55].

С конца октября, когда стала промерзать земля, ситуация австрийцев и саксонцев, не имевших зимнего обмундирования, радикально ухудшилась. Как вспоминал Винклер, «средством, которое до середины ночи защищало от внутреннего холода, был горячий напиток из русского чая, мёда и крепчайшей водки, называемый у нас русским пуншем, поскольку его ингредиенты, вкус и цвет имели сходство с обычным пуншем, и желудок, и кишки долго радовались приятному теплу... После этого мы укладывались на промёрзшую землю, подложив чуток соломы, пока до полуночи продолжалось действие напитка, а после приходилось заново поддерживать естество теплом костра снаружи и искусственным теплом изнутри» [19, 104].

Участники кампании о жителях Полесья

Судя по воспоминаниям солдат, первые контакты с местным населением Полесья носили довольно мирный характер. Впервые встретив полешуков в деревне Липск между Ганцевичами и Ивацевичами, штабной писарь саксонского гусарского полка Винклер характеризует их как «мирных, совершенно изолированных жителей» [19, 66]. Их быт был скуден. «То небольшое количество хлеба, которое они раздобыли, состояло в основном из целых зёрён, раздавленных на ручных жерновах, и которые держались вместе благодаря напоминавшей муку субстанции и выпечке». Возвращаясь в другом месте своих мемуаров к теме хлеба, Винклер замечает, что бедность полешуков мало отличалась от бедности крестьянина в Польше: «Хлеб в большом количестве было трудно достать, поскольку здешний крестьянин, как и польский, имея в доме жернова и хлебную печь, в своих потребностях ограничивается только одним днём» [19, 85].

Австрийцы и саксонцы чаще всего называли крестьян-полешуков просто здешними, весьма редко их обозначали русскими, никогда поляками, белорусами или украинцами.

Вторгнувшиеся войска не были склонны уважать обычаи полешуков, допуская поступки, которые в глазах местных жителей выглядели святотатством. Винклер описывает, что, расположившись на бивуак на кладбище близ Иваново, саксонцы два дня жгли в своих кострах большие дубовые плахи, которые, согласно тогдашнему местному обычаю, играли роль надгробий [19, 70].

Контакты с местным населением, как правило, сводились к ничем не ограниченному грабежу, называемому реквизицией. Завидев солдат, население деревень предпочитало в считанные минуты разбежаться по лесам и болотам. Много населения ушло на Волынь, вместе с русской армией, отступавшей после неудачного сражения под Городечной 12 августа. «Противник и убегающие жители оставили после себя пустыню. Все деревни и хлебные поля были сожжены, а колодцы разрушены», – писал Экснер [6, 57].

Войска испытывали огромные трудности даже с поиском проводников. Саксонский фурьер Теодор Гёте писал: «Мы не знали ни языка, ни местности, и трудно было найти надёжного проводника, который бы верно провёл нас через обширные леса и болота, поскольку, когда мы добирались до деревни, мужское население оттуда уже успевало убежать. Если же мы захватывали какого-нибудь русского крестьянина, то он, конечно, использовал первую же возможность, скрыться в лесу. Хотя, благодаря

полученному опыту, мы сделались осторожнее и привязывали проводника фуражной верёвкой к лошади, случалось, что он такую неприметно перерезал и сбегал на свободу, или же, если это было сделать затруднительно, он вёл нас неверным путём, на котором мы несколько раз едва не попали в руки неприятелю» [9, 104].

Попытки компенсировать недостатки в снабжении войск за счёт грабежа местного населения и их политические последствия

Экцессы с местным населением были неизбежны, поскольку и австрийцы, и саксонцы взяли в поход недостаточно провианта, и к тому же подвоз его был дезорганизован ещё до вступления в пределы Российской империи. Уже по Княжеству Варшавскому войска шли, видя хаты без крыш, солома с которых ушла на корм скоту ввиду неурожая 1811 года.

Безжалостные реквизиции продовольствия и фуража у крестьян, разграбление имений, потравы хлебных полей для выпаса лошадей быстро превращали и без того бедную территорию в пустыню. Разбирались жилые дома для починки дорог и гатей. Ни австрийцы, ни саксонцы не претендовали на Полесье и Волынь и поэтому относились к краю как к завоёванной территории, грабить которую можно было без оглядки.

Даже школьные учебники особенно выделяют то фатальное для французской армии обстоятельство, что отступить из Москвы осенью ей пришлось по той узкой полосе земли, которая была разорена ею же накануне летом. В Полесье ситуация была ещё отчаяннее: основная тяжесть боевых действий пришлась на сравнительно небольшую территорию нынешних Брестского, Кобринского и Пружанского районов – по ним враждебные армии прошли трижды! Сам Брест восемь раз занимали войска разных армий.

Остальная территория тоже кишела отдельными отрядами, которые передвигались налегке и оттого не стеснялись грабить всё на своём пути. У них с собой даже соли не было, и, как жаловался саксонский фурьер Теодор Гёте, они от отчаяния приправляли свою пресную еду порохом. Гёте [9, 82]. Между тем, нехватка соли выглядит тем более странной, поскольку, как писал Вельден, в июле в Пинске австрийцами был захвачен склад с 160 000 центнерами соли¹⁸ [18, 14]. (Пинск переходил из рук в руки одиннадцать раз, в т.ч. пять раз с боем – З.В.)

В описаниях участников похода австрийские и саксонские войска предстают перед нами не знакомыми по кинофильмам весёлыми вояками в шикарном мундирах, а изголодавшейся толпой оборванцев. Уже в конце июля, как описывал Рёдер фон Бомсдорфф, «понос свирепствовал среди рядового состава, одежда была порвана, без сомнения третья часть шла босиком» [14, 54]. Солдаты были вынуждены сменить свои изношенные и испорченные панталоны на отнятые у крестьян домотканые портки.

С наступлением холодов, внешний вид солдат, оказавшихся без тёплого обмундирования, ещё более преобразился. Командир 2-й саксонской дивизии генерал Функ вспоминал: «...Рейнье видел это и молчал. Саксонские генералы смотрели на это сквозь пальцы, и вскоре среди марширующих появились невероятные фигуры. Униформа – это одно из наиболее действенных средств уберечь солдатскую массу от одичания, но ни один офицер не мог узнать своих подчинённых – попадались облачения священников, еврейские шубы, женские платья, даже перехваченные верёвками шкуры и шерстяные одеяла, а ещё одежда городских обывателей: шлафроки, фраки, всё вперемежку» [7, 149-150]. Оправдывая вид своих войск, генерал Функ отмечает, что, дескать, поделаться с этим ничего нельзя было: всё это было награблено, но солдаты погибли бы, если не позаботились бы о себе сами.

Итак, неуправляемый безжалостный грабёж, как признают сами оккупанты, стал условием для выживания войск. В конце октября саксонскому корпусу была придана 32-я пехотная дивизия генерала Пьера Франсуа Жозефа Дюрютта, укомплектованная сбродом со всей Европы. По словам Рёдера фон Бомсдорффа, это была «настоящая банда грабителей без всякой дисциплины, офицеры которой говорили, что сами опасаются за

¹⁸ Австрийский центнер был равен 56 кг, саксонский центнер – 51,4 кг.

свою жизнь» [14, 220]. Путь дивизии Дюрютта можно было проследить по оставляемым позади неё пожарам. Грабежи и насилия в отношении местного населения превратились в вакханалию, потрясшую уже зачерствевших в грабежах саксонцев [2, 164]. С другой стороны, может также и оказаться, что немцы намеренно сгущают краски, чтобы самим выглядеть на этом фоне приличнее.

В этой связи возникает интересный вопрос: чьи реквизиции были разнузданнее – австрийцев или саксонцев. Современный историк Евгений Понасенков утверждает: «В данной связи замечу, что в отношении мирных жителей (кстати, весьма настроенных против России) Шварценберг и его солдаты вели себя не самым должным и чистоплотным образом, а вот французский генерал Ренье держал в своем саксонском корпусе строжайшую дисциплину» [22, 373].

Утверждение Понасенкова справедливо лишь в части относительно дисциплины саксонцев. Однако, оценивая дисциплину своих войск как высокую, саксонцы практически всегда имеют в виду дисциплину на марше и на поле боя. В то же время командный состав от командующего корпусом генерала Рейнье до унтер-офицеров никак не препятствовал бессистемным реквизициям, т.е. грабежу.

Поведение саксонцев в отношении местного населения вызывало возмущение даже среди их австрийских союзников. Шварценберг в письме своей жене от 19 августа отмечал: «Саксонские войска хороши, но их грабежи вызывают отвращение. Я едва выношу это, но я не в состоянии помешать, поскольку я не знаю, как долго они будут оставаться под моим командованием, то вряд ли возможно, устроить им головомойку» [15, 216].

Как признаёт генерал Функ, саксонцы были менее сдержаны. Грабили они не только местное население, но и своих союзников. Одну из главных причин этого Функ видит в том, что снабжение саксонцев было организовано значительно хуже, чем австрийцев, поскольку в отличие от австрийцев интендантской службой в корпусе Рейнье занимались французские офицеры, отличавшиеся нерадивостью и корыстолюбием [7, 100]. Это мнение разделяют также австрийский офицер Эниден [4, 93] и брауншвейгский историк Штегер, который пишет: «Снабжение войск продовольствием было столь же скверным, как и во всех французских армиях, и в интендантской службе кишели обманщики и проходимцы, поставившие себе целью собственное обогащение. Когда корпус занимал новую местность, эти люди тут же налагали арест на все запасы. Сразу же закрывались городские базары, запасы евреев опечатывались, всякая торговля воспрещалась, пока у интендантской службы не выкупалось разрешение. Когда евреи вносили требуемые немалые суммы, они получали право на свободную торговлю, а заодно и разрешение выставлять столь высокие цены, сколь им заблагорассудится. Этот симбиоз заходил столь далеко, что администрация защищала евреев от всякой конкуренции и не позволяла, чтобы при частях находились маркитанты. В итоге и офицеры, и солдаты терпели недостаток и роптали тем сильнее, что видели, как стоявшие рядом с ними австрийцы, которые столь позорных вещей у себя не допускали, не знали нужды. Как всегда в таких случаях бывает, расплачиваться приходилось несчастным жителям. Обычным явлением стали грабежи со всеми сопутствующими им бесчинствами. Даже австрийские запасы были в опасности, и однажды даже дошло до того, что посланный на реквизицию отряд разграбил дом австрийского генерала, избил охрану и поднял руку на подоспевшего адъютанта» [16, 157-158].

Отношения наполеоновских войск с элитарными слоями местного общества в Полесье

Описанные бесчинства наполеоновских войск не могли не сказаться на отношениях с местной пропольски настроенной шляхтой, которая поначалу приняла их как освободителей и ожидала содействия восстановлению Речи Посполитой в её прежних границах. Ещё до вторжения наполеоновских войск в Россию польская шляхта обращалась к императору Франции, чтобы он не направлял в бывшие польские провинции немецкие войска. В своём меморандуме «Идеи об организации законного восстания на Волыни, Подолье и Украине», составленном 22 июня после аудиенции у

Наполеона, видный представитель польской партии на Подолье граф Тадеуш Морский призывал императора, чтобы участие в наступательных действиях принимали исключительно французские и польские части, но в любом случае не привлеченные Наполеоном к походу против России австрийские и прусские, поскольку «антипатия поляков к немцам сделает это действие противным общественному настроению» [21, 166]. Австрия была одной из главных участниц разделов Польши, владела Галицией, и отнюдь не желала появления на своих границах сильного польского государства. Эта позиция Вены являлась одним из сильнейших факторов, удерживающих Наполеона от ожидаемых от него поляками обещаний восстановить Польшу. Чтобы не раздражать австрийцев, Наполеон даже не отправил в корпус Шварценберга своё знаменитое воззвание к войскам от 22 июня, где называл начавшуюся войну «польской».

Поначалу местные элиты в Полесье встретили наполеоновские войска восторженно. Тройенфест сообщает, что в июле шляхта Пинска отправляла к Шварценбергу гонцов с просьбой как можно скорее занять город, а затем помогала австрийцам в организации преследования отступавших русских войск [17, 194]. Хольтцендорф с умилением описывает, как в конце августа, во время марша на Брест, один шляхтич, увидев босого солдата, снял и отдал ему свои сапоги [10, 68].

Однако по мере знакомства с «освободителями» настроения местной шляхты меняются и постепенно переходят во враждебность [10, 73]. Наиболее ёмко об этом пишет Штегер: «Поначалу волыняне выказали немалое усердие и подготовили всеобщее ополчение, две тысячи которого собралось в Торчине (Луцкий район – З.В.). Вместо того чтобы поспособствовать этому усердию, Рейнье делал всё возможное, чтобы подавить это воодушевление, с холодностью отверг предложения патриотов и опустошал поместья своих сторонников ещё безжалостнее, чем имущество уехавших сторонников России. Австрия, опасавшаяся за соседнюю Галицию, способствовала такой сдержанности. Разумеется, такое обращение возымело свои последствия. Вместо патриотов, предлагавших свою помощь, вскоре явились толпы вооружённых крестьян, которые соединялись с казаками, чтобы отомстить своим мучителям» [16, 157-158].

В мемуарах саксонского фурьера Теодора Гёте приводится эпизод, когда местный помещик навёл отряд казаков на расположившихся в его поместье саксонских солдат [9, 104]. Этот эпизод относился к глубокой осени. По воспоминаниям других немецких авторов, к этому времени подобные настроения были распространены повсеместно. Прусский майор Рёдер фон Бомсдорфф, проезжая в декабре через окрестности Гродно, записал: «Жители, в особенности же бургомистр, не скрывали своей ненависти к французам и их союзникам и, не спрошенные, выказывали благодарность Всевышнему, что скоро придёт Александр и полностью прогонит нас из страны» [14, 143].

Заключительная фаза кампании в Полесье

К концу осени деревни превратились в пепелища, где не осталось ничего, из чего можно было развести костры, и поздней осенью и зимой 1812 года войска предпочитали располагаться на ночные бивуаки в лесах. Между австрийскими и саксонскими солдатами случались кровавые разборки за охапку соломы для подстилки. Как писал Теодор Гёте, вид солдат преобразился до неузнаваемости: «Для лучшей защиты от холода многие гусары обзавелись русскими крестьянскими тулупами и носили их поверх разорванных и прожжённых мундиров. К киверам крепились полоски из шкур, прикрывавшие уши. У кого не было рукавиц, оборачивали руки кусками шкур. В таких пёстрых одеждах, покрытых лохмотьями шинелей, в грязных и зачастую дурно пахнущих крестьянских шубах ехали мы по заснеженным русским равнинам и, почерневшие от дыма костров, выглядели скорее как лапландцы, а не как гусары... В довершение этой печальной картины обветренные лица с большими всклокоченными бородами, в которых иногда виднелась засохшая грязь, поскольку о бритье или умывании на бивуаке при столь сильном холоде и речи быть не могло. Даже если бы и была такая возможность, никто бы не состриг свою бороду, прикрывавшую всё лицо, поскольку она защищала таковое от холода» [9, 135].

Как пишет Рёдер фон Бомсдорфф, «наступили весьма сильные холода, и 6 декабря не было никого, включая Рейнье, кто бы не отморозил нос, уши, руки, ноги или другую часть своего тела. Оттого у нас прибавилось много новых больных. В одном единственном батальоне 1-й дивизии в тот день прибавилось 80 полных инвалидов» [14, 233]. 7 декабря в окрестностях Ружан, когда холода достигли 30 градусов¹⁹, получили обморожения 700 солдат саксонского корпуса и 500 солдат приданной ему 32-й дивизии Дюрютта. «Только движение спасало от замерзания. Если уставший и обессиленный солдат присаживался на повозку, то скоро с неё приходилось снимать его заочечневший труп», – пишет Экснер [6, 75].

Несмотря на значительные потери, австрийский и саксонский корпуса не утратили боеспособность, как большинство отступавших от Москвы войск и организовано отошли в пределы Княжества Варшавского. В отличие от большинства остальных контингентов Великой армии, они вывезли в сохранности всю свою канцелярию, что даёт современным историкам уникальную возможность восстановить во всех деталях ход кампании 1812 года в Полесье и на Волыни²⁰.

Таким образом, источниковая база не исчерпана и дальнейший поиск архивных материалов, а также ещё не изученных писем, дневников и мемуаров участников боевых действий в Полесье в 1812 году может дать много новых фактов, существенно дополняющих наши знания об этом периоде. Предстоит ещё также немалая и интересная работа по сопоставлению иностранных и русских источников об этой кампании.

1. Becker, Carl August. Bericht über die königlich sächsische Infanterie-Brigade von Klengel und drei Escadrons des Uhlanen-Regiments Prinz Clemens unter den Befehlen des Obersten von Zeschwitz, in dem Feldzuge 1812 gegen Rußland / C.A. Becker // Kriegsgeschichtliche und kriegswissenschaftliche Monographien aus der neuern Zeit seit dem Jahr 1792, Erster Band, Leipzig und Altenburg: 1817. – S. 1-51.
2. Beiträge zur militairischen Geschichte Sachsens, oder Blätter aus dem Tagebuche eines Königlich Sächsischen Offiziers, der den Feldzügen von 1812 und 1813 im 7ten Korps der französischen Armee beiwohnte // Zeitschrift für Kunst, Wissenschaft und Geschichte des Krieges. Vierzigster Band. Viertes bis sechstes Heft – Berlin, Posen und Bromberg, 1837. – S. 69-92, 142-188.
3. Cerrini, von. Die Feldzüge der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813 aus den bewährtesten Quellen gezogen von einem Stabsoffiziere des königlich sächsischen Generalstabes / v. Cerrini – Dresden: In der Arnholdischer Buchhandlung, 1821. – 517 S.
4. Eniden, Fritz. Erinnerungen eines österreichischen Ordonnanz-Offiziers aus dem Feldzuge 1812 / F. Eniden – Wien: Commissionsverlag von L.W. Seidel & Sohn, k. u. k Hof-Buchhändler. 1898. – 118 S.
5. Erinnerungen aus der russischen Gefangenschaft 1812 und 1813 von einem Königl. Sächsisch. Offizier. – Leipzig: Bei Ludwig Schreck, 1837. – 135 S.
6. Exner, Moritz. Der Antheil der Königlich Sächsischen Armee am Feldzuge gegen Rußland 1812: nach amtlichen Unterlagen bearbeitet / M. Exner – Leipzig: Duncker & Humblot, 1896. – 172 S.
7. Funck, Karl Wilhelm Ferdinand von, Erinnerungen aus dem Feldzuge des sächsischen Korps unter dem General Grafen Reynier / K. W. F. v. Funck – Dresden und Leipzig: in der Arnholdischen Buchhandlung, 1829. – 215 S.
8. Gebler, Wilhelm Edlen von. Das k. k. österreichische Auxiliar-Korps im russischen Feldzug 1812 / W. E. v. Gebler – Wien: Verleger Wilhelm Braumüller, 1863. – 222 S.
9. Goethe, Theodor. Aus dem Leben eines sächsischen Husaren und aus dessen Feldzügen 1809, 1812 und 1813 in Polen und Rußland / Th. Goethe – Leipzig: T. S. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1853. – 211 S.
10. Holtzendorff, Albrecht von. Berichtigung der Schrift „Erinnerungen aus dem Feldzuge des sächsischen Korps im Jahre 1812, aus den Papieren des verstorbenen Generallieutenants von Funck“ / A. v. Holtzendorff – Dresden: in Comission der Waltherschen Hofbuchhandlung, 1831. – 118 S.
11. H. v. S. Geschichte der beiden Königlich Sächsischen Grenadier-Regimenter: Erstes (Leib-) Grenadier-Regiment Nr. 100 und Zweites Grenadier-Regiment Nr. 101, Kaiser Wilhelm, König von Preussen / H. v. S. – Dresden: Carl Höckner. 1877. – 244 S.

¹⁹ Если речь идёт об обычных для того времени градусах по Реомюру, то это составит 37,5 градусов по Цельсию.

²⁰ Большинство этих документов находится в Главном государственном архиве в Дрездене и в Австрийском государственном архиве в Вене, частная переписка Шварценберга хранится в региональном государственном архиве в чешском городе Тржебонь.

12. Odeleben, Ernst Otto Innozenz von. Sachsen und seine Krieger in den Jahren 1812 und 1813: ein Beitrag zur Würdigung der strategisch-politischen Ereignisse jener Zeit / E. O. I. v. Odeleben – Leipzig: Hinrichssche Buchhandlung, 1829. – 210 S.
13. Prokesch, Anton. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Feldmarschalls Fürsten Carl zu Schwarzenberg / A. Prokesch – Wien: Bey Carl Schaumburg et Comp., 1823. – 346 S.
14. Röder von Bomsdorff. Mitteilungen aus dem russischen Feldzuge an einen Offizier des Generalstabes. Zweiter Teil / Röder von Bomsdorff – Leipzig: bei Wilhelm Engelmann, 1818. – 240 S.
15. Schwarzenberg, Karl Philipp. Briefe des Feldmarschalls Fürsten Schwarzenberg an seine Frau 1799-1816 / K. Ph. Schwarzenberg – Wien: Gerlach & Wiedling, 1913 – 461 S.
16. Steger, Friedrich. Der Feldzug von 1812 / F. Steger – Braunschweig: Verlag von Dehne und Müller, 1845. 376 S.
17. Treuenfest, Gustav Amon von. Der Krieg der Franzosen und ihrer Alliierten gegen Rußland 1812 und 1813 / G. A. v. Treuenfest – Leipzig, Bei W.Engelmann, 1814. – 304 S.
18. Welden, Ludwig von. Der Feldzug Oesterreicher gegen Rußland im Jahre 1812. Aus officiellen Quellen / L. v. Welden – Wien: Druck und Verlag von Carl Gerold's John. 1870. – 160 S.
19. Winkler, F.F. Bemerkungen über den Feldzug gegen Rußland in den Jahren 1812 und 1813 mit Hinsicht auf Cultur, Sitten, Landesart und Gebräuche / F.F. Winkler [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Bemerkungen_%C3%BCber_den_Feldzug_gegen_Ru%C3%9Fland. Дата доступа: 12.09.2019.
20. Абалихин Б. С. Отечественная война 1812 г. на Юго-Западе России / Б. С. Абалихин – Волгоград, 1987. – 104 с.
21. Ададуров В.В. Польское дворянство Юго-Запада России в планах Наполеона во время военной кампании 1812 года / В. В. Ададуров – // История и историческая память. Межвуз. сб. научных трудов. Вып. 6. Саратов, 2012. – с. 164-180.
22. Понасенков Е. Н. Первая научная история войны 1812 года / Е.Н. Понасенков – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 800 с.
23. Попов А.И. Боевые действия на южном театре войны 1812 года: постановка проблемы / Ф. И. Попов – // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы Международной научной конференции, 2-4 сентября 2013. г. Бородино, 2014, – с. 389-408.

POLESIE IN DIARIES, LETTERS AND MEMOIRS OF THE GERMAN ALLIES IN THE RUSSIAN CAMPAIGN NAPOLEONS 1812

Wladimir Saworoschkin
local historian, Minsk, Belarus

Summary: The article is a review of German-language memoirs relating to the stay of Austrian and Saxon troops in Polesie during the Patriotic War of 1812.

Keywords: *Patriotic War of 1812, Polesie, Austrian auxiliary corps in the Russian campaign of 1812, Saxon VII Corps in the Russian campaign of 1812, military confiscations*